

19 октября семьдесят четыре года назад в семье Аркадия Самойловича и Фаины Борисовны Гинзбургов родился мальчик, которого нарекли Александром. Судьба уготовила ему пройти путь

от облаквинного властями поэта до Диссидента, вкусившего горький хлеб изгнания. Воспоминаниями об Александре Галиче делится его

Имя, данное человеку при рождении, в той или иной степени накладывает отпечаток на его жизнь. Александр в переводе с греческого означает «защитник людей». От чего, по-вашему, стремился нас защитить или предостеречь Александр Галич?

— Точнее, излечить. В первую очередь от страха. Страх, который сковывает мысль и делает из свободного человека раба. Подытожить эту мысль можно четверостишием из его стихотворения:

И все-таки я, рискуя прослыть Шутком, дураком, паяцем
И ночью, и днем твержу
об одном:
Не надо, люди, бояться.

— Напрашивается сравнение с Чеховым. Помните: «выдавливать из себя по капле раба».

— Не совсем так. Лучше всего об этом сказал он сам: «По капле и есть по капле» — по-настоящему и хитро По капле это на Капри А нам подавай ведро».

— Если я правильно понял, то Александр Аркадьевич говорил о свободе как о чем-то абсолютном. То есть либо-либо. Нельзя быть свободным на пятьдесят процентов.

— Точно так же, как нельзя быть немножечко беременной.

— Начали мало-помалу издаваться книги вашего отца, выходят пластинки. Следовательно, его творчество люди потихонечку узнают. Менее известен Галич — человек. Существует столько кривотолков о его жизни, что понять, где заканчивается правда и начинается вымысел, очень трудно...

— Что именно вас интересует?
— Интересует многое. Например, соответствует ли действительности пересуды о его донжуанстве?

— Смотря какой смысл вкладывать в это слово. Увлеченность женщинами у любого поэта всегда прекрасна. Однажды мой папа сказал по этому поводу: «Только влюбленный имеет право на звание человека».

— Вы говорите, что отец остался в вашей памяти за письменным столом. А каким он вам запомнился еще?

— Любил музицировать. Сидел за рояль и импровизировал. Еще обожал ходить по бумажным лавкам и «комиссионкам». Помню, как мы часто с отцом заходили в комиссионные магазины, и он, отводя меня в сторонку, разговаривал с продавщицами, как определял сам, нежно-половым голосом. Молоденькие девочки таяли и моментально доставали ему из-под прилавка какую-нибудь диковинную вещичку, которую он тут же дарил мне.

— Брать не силой, а обаянием — большое искусство.

— Совершенно верно. И Александр Аркадьевич им в совершенстве владел. Он вообще был человеком удивительного артистизма. Папа частенько устраивал всевозможные розыгрыши, в которые втягивал и меня.

— Очень интересно, расскажите хотя бы об одном таком случае.

— Решив отметить мое благополучное поступление в ГИТИС, мы с отцом отправились в ресторан Дома литераторов (я — впервые)... изображая влюбленную пару. Но не тут-то было. Михаил Светлов расстроил наши планы.

— Каким образом?

— Стоило ему нас увидеть, как он тут же громко воскликнул: «Саша, какая у тебя взрослая дочь и очень на тебя похожа, только беленькая». После этого случая я долго на Михаила Аркадьевича сердилась.

— Уж коли вы коснулись ресторанный тематики, позволю себе спросить: насколько справедливо бытующее представление о

Галиче как о человеке богомном и пьющем?

— Хорошо по этому поводу вспоминает Галина Федоровна Аграновская: «В канаве никто из нас не валялся».

— В творчестве вашего отца довольно отчетливо слышны иудейские мотивы. Подчеркиваю, не еврейские, а именно иудейские. Например, «...я надену чистое исподнее, семь свечей расставлю на столе...» Семисвечник, или по-другому менора, — один из символов иудаизма. И тем не менее в возрасте 54 лет

— Когда вам впервые удалось побывать на могиле отца?

— В марте прошлого года. А до этого четырнадцать лет безуспешно пыталась получить в инюрколлегии справку, необходимую для оформления всех документов. Жила я в Париже на квартире у профессора Сорбонны Клодиль Школьник. Интересно, что она ни слова не знала по-русски, и я на французском ни бельмеса, английский обе знали крайне плохо; однако вечерами болтали. Когда один мой приятель из русских эмигран-

ству отца в Союзе кинематографистов 23 мая 1988 года проходил вечер, на котором фильм «Беженцы XX века» был подарен Союзу кинематографистов и передан на временное хранение моему дяде — Валерию Аркадьевичу Гинзбургу. Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем нечто временное. Лишь после обращения Комиссии по литературному наследию в прокуратуру фильм был наконец, спустя три года, положен в музей Киноцентра на Дружниковской набережной. Будем на-

На фотографии слева направо: А. Галич, Г. Вишневецкая, Р. Нуриев, М. Ростропович, И. Бродский. Снимок сделан во время гастролей Александра Галича по Соединенным Штатам Америки в 1975 году. Публикуется впервые.

Галич принимает решение креститься. Согласитесь, весьма неожиданный поступок...

— В то время, когда мои родители поженились, мама была секретарем комсомольской организации, а отец — ее заместителем. Естественно, ни о какой религии не могло идти и речи. Это была эпоха воинствующего атеизма. Но папа, однажды задумавшись, сказал, что православная конфессия ему ближе, чем все остальные. При этом он говорил, что хорошо относится и к иудаизму, но каноны этой веры слишком для него суровы. И вот что мне хотелось бы еще добавить к вопросу о крещении. В. Даль дает определение понятия крестный отец как «восприемник от купели». Но от купели можно воспринять младенца. Говорить о крестном отце взрослого человека по меньшей мере смешно. Однако композитор Николай Каретников упорно величает себя крестным отцом Галича, будучи моложе его — и значительно.

— Крестил Галича человек выдающийся — протоиерей Александр Мень. Вам не доводилось с ним встречаться?

— Доводилось. Познакомилась я с отцом Александром в 1978 году. Впоследствии несколько раз приезжала к нему в церковь и много с ним беседовала. И внутренне, и внешне Александр Мень был необычайно красив. Мне он чем-то напоминал Иисуса, каким его изображают на иконах.

— Много ли у вас истинных друзей?

— Истинных — не так уж много. Но это те люди, в которых я уверена. Те, на кого смогу положиться в любой ситуации.

— Недругов, полагаю, тоже хватает?

— Еще бы. Ведь я хорошо помню, кто и как вел себя, когда отца исключили из Союза писателей, кто молчал все эти годы и кто теперь старается всех убедить в том, что он лучший друг Александра Галича.

— Как повлияло на вашу судьбу исключение отца из всех творческих союзов?

— Москонцерт прервал со мной договор, и я уехала работать в Киргизию, о чем, кстати, совсем не жалею. В Москву вернулась только в 1982 году.

тов, который отлично владел французским, поинтересовался у Клодиль, на каком языке мы говорим, та невозмутимо ответила: «Ну какой же у женщин может быть язык, конечно, общий». От нее я, кстати, узнала, что французы неплохо знакомы с творчеством Галича. Кроме Сент-Женевьев-де Буа, мне удалось побывать на улице Маниль, недалеко от площади Виктора Гюго. Там в одном из домов вплоть до своей трагической кончины жил мой отец.

— Появились ли какие-нибудь новые детали, проливающие свет на то, что произошло 15 декабря 1977 года?

— У меня есть по этому поводу своя версия. Сразу хочу подчеркнуть, что вопрос до конца не изучен. В Москве ходили одни разговоры, в Париже — другие. Никто не удосужился их сопоставить. Самым, на мой взгляд, странным является то обстоятельство, что когда звывали стражей порядка, а сделала это пожарная охрана, находящаяся напротив дома, в котором жил папа: пожарники прибежали от сильных криков Ангелины Николаевны (вторая жена Галича. — В. А.), полисмены первым делом сообщили по телефону о смерти Галича дирекции радиостанции «Свобода», на которой отец работал. Почему? У отца при себе не было никаких документов, Ангелина Николаевна на французском языке не разговаривала.

— Не обошлось без участия «руки Лубянки»?

— Не знаю. Однако, когда нужно было «убрать» кого-то, неугодного властям, то французская полиция и КГБ всегда находили общий язык. Примеров тому предостаточно.

— Алена, можно ли охарактеризовать эмигрантский период жизни Галича как кризисный для его творчества?

— Ну какой же. Это кризис! Отец в эмиграции много и плодотворно работал. Он написал несколько прекрасных песен, пьесу «Блошиный рынок», собрался ставить мюзикл по своим вещам, в котором сам хотел играть. Кроме того, он снял совместно с Рафаилом Голдингом 40-минутный фильм «Беженцы XX века». С этой картинкой была целая история. Уже после восстановления по моему ходатай-

дяться, что когда-нибудь его покажут по телевидению.

— В одной из газет было упомянуто о якобы имеющей место борьбе двух кланов за наследство Александра Галича...

— Вот уже пятый год мне приходится являться в различные суды: молодой человек по фамилии Михнов-Вайтенко, с которым я познакомилась на этих самых судах, возжелал быть сыном Галича. С тех пор его друзья и свидетели величают меня не иначе, как «дочь от первого брака». Вопреки их желанию существует документ, согласно которому претендент на звание сына появился на свет после одиннадцатимесячной беременности. Комментарий, как говорится, излишни. А закон почему-то перестал соблюдаться. Теперь что касается клана. Ничего не скажешь — мощный клан: я, моя семидесятилетняя мама, троюродная сестра, которая работала музыкальным педагогом в Риге и после того, как лишилась работы, переехала ко мне, и мой сын, день рождения которого совпадает с днем рождения Александра Аркадьевича.

— Вот как. Он стихов еще не пишет?

— Пытается писать и разучивает на фортепиано одну из самых известных песен деда — «Облака».

— Представьте, что вы сегодня, не дай Бог, живете последний день. Что из несделанного поспешите сделать в первую очередь?

— Поспешу написать завещание на сына и передать те рукописи отца, которые еще не успела, в ЦГАЛИ (Центральный архив литературы и искусства. — В. А.). Там работают надежные люди.

— Алена, предположим, вы пришли к священнику на исповедь. Много ли времени у вас займет эта процедура?

— Грехов хватает. Но одно могу сказать точно: перед Богом и совестью не грешила никогда.

— Спасибо за беседу.

— Взаимно. «Московскую правду», кстати, смотрю часто. Ваша газета мне очень нравится.

С Аленой ГАЛИЧ беседовал Владимир АРХИПОВ.

Александр ГАЛИЧ

Письмо дорогой дочери Аленушке от папы Саши

Ночь. Уснула вся квартира. Я один не сплю, грущу. Все гляжу на карту мира, Все Иркутск на ней ищу. Тот Иркутск на карте — то-точка.
У меня в Иркутске — дочечка! По прозвищу — Аленка, Золотая головенка!
Говорят, что ты болела, Пролежала две недели?! Это, доченька, не дело, Чтобы доченьки болели!
Целый день лежать в постели —

Очень плохо!
И не бегать две недели — Очень плохо!
И на санках не кататься — Очень плохо!
Не вставать, не умываться — Очень плохо!
Плохо кашлять и болеть. И на градусник глядеть!

Что же делать? Как нам быть? Как нам горю пособить? Как избавиться от гриппов, Кашлей, насморков и хрипов. От ангин и от бронхитов. От расстройств и от колитов?!
Если хочешь... Только — чу! По секрету научу!
Чтоб врачей не звали снова, Не давали пить микстур. Ты запомни, дочка, Слово — Кара-Кара-Кара-Муррр!
Только скажешь: Кар-Карра! Кар-Карра!
Все болезни со двора. Со двора! Крикнешь громко: Кара-Мурррр!
Кара-Мурррр!
И не надо пить микстур. Пить микстур!

Можно снова одеваться — Хорошо!
И на саночках кататься — Хорошо!
И играть в снежки. И гулять у реки — Очень Х О Р О Ш О!
Если прихворнешь немножко. Если вечер сер и хмур. Говори всегда, Алешка. — Кара-Кара-Кара-Мурррр!
Крепко целую тебя, родная моя доченька. —
твой папа Саша.

Здравствуй, родная моя, ненаглядная доченька Аленушка! Ужасно меня огорчает, любимая, что ты все время прихварываешь. Что же это такое за безобразие, а ты ведь умненькая, хорошая, ты не будешь доставлять всем такие огорчения, правда, а? А я по тебе ужасно соскучился и каждую ночь вижу

тебя во сне. И очень хочу на самом деле крепко тебя расцеловать и отругать, чтобы ты больше никогда не подбирала на улице всяких гриппов и хрипов, и прочих гадостей!

А вот тебе коротенькие стишки:

Сосчитал я как-то раз — Сколько верст от нас до Вас!
Очень много, очень много!
Очень длинная дорога!
Надо с лестницы спуститься, Сто ступенек отсчитать,
Надо с дворником проститься, До свиданья пожелать!
И прощай огромный двор.

Обойти большой забор. А потом на Бронной малой. Выпить кружечку сидра. Мчаться два еще квартала До арбатского метро!
И в метро дорогой дальней Ехать к площади вокзальной!
Ну, а там уже немного. Там окончена дорога!

Дальше путь отменно прост — Только десять тысяч верст!
Паровоз дальние глзастый Нас в далекие края!
Мне Аленка крикнет — здравствуй!

Я скажу Аленке — здравствуй. Здравствуй, доченька моя!
Крепко целую, обнимаю, с нетерпением жду весточек!
САША.

Эти стихи Александра Галича, посвященные дочери, публикуются впервые.